

лодительныхъ и доброжелательныхъ оцѣнокъ художественной работы его коллегъ, наряду съ приводимыми въ книгѣ восторженными отзывами о самомъ ея авторѣ — свидѣтельства истинныя, ибо извѣстность и слава Лифаря не подлежатъ сомнѣнію. При всемъ томъ можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ не существовало въ мірѣ танцовщика, который могъ бы написать не только такую значительную книгу, но и вообще какую бы то ни было — и это уже указываетъ на исключительную культурность автора по сравнению съ выдвинувшей его средой.

Л. Сабантеевъ.

Д. И. Чижевскій. Гегель въ Россіи (Русская Научная Библиотека, кн. II. Изд. «Современныя Записки» и «Домъ Книжки». Црчка, 1939).

Книга Чижевскаго имѣетъ исключительную цѣнность, не только по богатству использованнаго матеріала, дающаго представление о томъ, сколь широко и сколь длительно было вліяніе Гегеля въ Россіи, но — и это главное — во своему подлинно-историческому, т. е. философскому, какъ это понималъ самъ Гегель, подходу къ проблемѣ. Я хочу сказать, что, изслѣдуя вопросъ о значеніи Гегеля въ исторіи развитія русскаго сознанія, авторъ не упускаетъ изъ виду индивидуальной сущности этого сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ — и тѣмъ самымъ — его общечеловѣческаго, всемірно-историческаго смысла; а это — и опять-таки въ согласіи съ Гегелемъ — приводитъ автора къ попыткамъ возстановить обликъ русской культуры въ полной ея душевно-духовной конкретности, выявляющейся въ ея историческомъ развитіи, начиная съ момента пробужденія русскаго сознанія, что, приблизительно, совпадаетъ съ «открытіемъ» для Россіи Гегеля, — и до момента обрыва этого развитія, когда по слову автора цитирующаго здѣсь Шедрина, «радикальный Урюмъ-Бурчевъ выхлѣбъ въ городъ на бѣломъ конѣ, слезъ гимназію и убралъ изъ науки». Провосходно прослѣженъ ритмъ русскаго развитія, чередование отдельных его моментозъ; въ этомъ отношеніи особо оригинально и поразительно метко сооставленіе «просвѣщенства» 60-ыхъ годовъ съ его сознательнымъ отверженіемъ духовнаго начала, съ «нигилизмомъ», его непреклонной нетерпимостью ко всякому «эпикомиасію», его безпощадной «общественной» цензурой, — съ офіціалънымъ, казеннымъ нигилизмомъ послѣднихъ годовъ николаевской поры. Въ свѣтъ нынѣшняго безраздѣльнаго торжества бездуховной «тѣлности», и тѣмъ самымъ бездуховности, звѣрнаго, отрицающаго «тѣлности» «духманизма», это средство «николаевщины» съ «просвѣщенствомъ» выясняется съ полной очевидностью. Не менѣе удачно изображеніе первыхъ попытокъ воскрешенія духовнаго начала (90-ые годы) — сперва блужданія въ потемкахъ, затѣмъ выхода на забытый привѣтъ нуть, который доселѣ шли только одиночки, либо почти никомъ «иниѣтные» (Павелъ Бакуининъ), либо замалчиваемые, а то и подверженныя гонимы.

(Страховъ) — и большой заслугой автора слѣдуетъ признать дѣлаемую имъ переоцѣнку этихъ одинокихъ, забытыхъ людей. Въ целомъ согласіи съ методомъ автора и его характеристике отдѣльныхъ личностей, наиболее яркиѣхъ представителей русскаго гегельянства и онъ какъ и отдѣльные моменты общаго процесса русскаго развитія, изображены въ нихъ душевно-духовной цѣлостности. Особенно удачно по глубинѣ и тонкости кажется мнѣ въ этомъ отношеніи характеристика Михаила Бакунина, выясняющая трагическій характеръ его разрыва съ гегельянствомъ. Этому авторъ противопоставляетъ траги-комическій подобный-же разрывъ у Бѣлинскаго, «комическій» постольку, поскольку Бѣлинскій, и въ пору своего увлеченія Гегелемъ, въ сущности не зналъ Гегеля. Бѣлинскаго авторъ вообще, считаетъ заслуживающимъ «разубѣчанія», и дѣлаетъ это. Здѣсь, думается, онъ заходитъ чересчуръ далеко. Что Бѣлинскій не былъ большимъ мыслителемъ, это неоспоримо. Но авторъ врядъ-ли правъ, отрицая начисто и его значеніе какъ критика. Пусть у него имѣется немало «несправедливыхъ... а иногда просто дикихъ и фантастическихъ сужденій». Что до «удачныхъ», то эти, констатируетъ авторъ, «очень просто взяты у Станкевича». Проверить это къ сожалѣнію, не могу; все-же мнѣ кажется, что тамъ, напр., гдѣ Бѣлинскій вѣрно, «удачно» говоритъ о Пушкинѣ, онъ не просто копируетъ Станкевича: иначе были-бы неизбежны срывы; а ихъ-то въ цѣломъ рядѣ его статей о поэзіи Пушкина какъ разъ нѣтъ. Въ доказательство слабости Бѣлинскаго, какъ критика, авторъ приноситъ его сужденіе о «Божеств. Комедіи»: она полна пустой символики, и Данте вообще не поэтъ. Что Бѣлинскій, не читавшій Данте въ подлинникъ, не могъ увидѣть въ немъ поэта, само собою разумѣется. Что-же до «пустой символики», которую онъ смотрѣлъ въ «Комедіи», то тутъ напрашивается одно сопоставленіе, аналогичное тому, какое авторъ дѣлаетъ между Страховымъ и Ницше. Какъ Страховъ, въ нѣкоторыхъ своихъ идеяхъ, по своему превосхитилъ Ницше, такъ и Бѣлинскій здѣсь превосхитилъ одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ мыслителей и знатоковъ литературы, Бенедетто Кроче, который, кажется, первый въ Италіи осмѣлился признать, что «божественное», чисто-поэтическое у Данте перемѣшано со множествомъ элементовъ — не «символики», а «ученаго», чуждаго поэзіи алтеоризма. То, что Бѣлинскій увидѣлъ это въ дантовой поэмі, какъ и во второй части Фауста (на что также ссылается авторъ), свидѣтельствуетъ скорѣе въ пользу наличности у него критическаго чутья, нежели противъ. За недостаткомъ мѣста я лишень возможности отмѣтить еще кое-какія кажущіяся мнѣ спорными утвержденія и формулировки автора, а также и множество тѣхъ его, очень цѣнныхъ, замѣчаній, которыя открываютъ новыя перспективы для всякаго интересующагося проблемами русскаго культуры. Я долженъ ограничиться общимъ выводомъ: наблюденія автора убѣдительноѣше показываютъ, сколь глубоко пронизано гегелевскимъ духомъ русское сознаніе, даже въ моменты, казалось бы полнаго отреченія отъ «метафизики» — недаромъ-же «моменты» суть звенья одного и непрерывнаго процесса — и съ этой точ-

ли зрѣнія исключительно показательно одно сдѣланное авторомъ наблюдение: а именно, что нигдѣ, среди марксистовъ, «диалектическому материализму» не придавалось и не придается такого значенія, какъ сейчасъ въ Россіи

П. Бицилли.

Н. Бердяевъ. О рабствѣ и свободѣ чловѣка. (Опытъ персоналистической философіи). УМСА-Press. Парижъ.

Философскія книги бываютъ двухъ родовъ: читая одніѣ, мы путешествуемъ по философской системѣ, какъ по дотолѣ неизвѣстной намъ странѣ; читая другія, мы вступаемъ въ личное общеніе съ самимъ философомъ. Книги Н. А. Бердяева всегда относятся ко второму роду, и по всему душевному своему укладу онъ ближе къ такимъ мыслителямъ, какъ Паскаль или Ницше, нежели къ такимъ, какъ Аристотель или Кантъ. Однако никогда еще никакая его книга не заслуживала я въ такой мѣрѣ называться философской исповѣдью, какъ та, которую онъ даетъ намъ теперь и о которой можно сказать, что она во многихъ отношеніяхъ вѣнчаетъ его жизненный и философскій опытъ.

Значенателью, что во введеніи, предисловіи и въ авторъ самъ говоритъ о противорѣчіяхъ своей мысли, раскрывая тѣмъ самымъ и основные импульсы своего философствованія, а также упоминая о томъ какъ складывалось оно подъ влияніемъ другихъ мыслителей, воспринято въ разное время и съ разной силой. Противорѣчивость этихъ импульсовъ и влияній такъ же не вредитъ у Бердяева единству его мысли, какъ не вредитъ единству его книги необыкновенное разнообразіе затронутыхъ въ ней проблемъ. Касается она вопросовъ религіозной философіи, этики, политической и социальной философіи, философіи исторіи, философіи искусства, вовсе не впадая при этомъ въ излишнюю востроту, не отступая нигдѣ отъ основной нити размышленія. Нить эта бьется двумя излюбленными темами бердяевскаго мышленія, темой личности и темой свободы, проникающими въ его писанія, но никогда еще не звучавшими съ такой полнотой и силой, какъ теперь. Болѣе увлекательнаго введенія въ это мышленіе, чѣмъ то, которое написалъ самъ Н. А. Бердяевъ, никому не написать. Думаю, что изъ всѣхъ его работъ это самая непосредственная, самая страстная, а по нетерпимости и нетерпѣнью, по особому задору, отличающимъ ее, и самая молодая.

Такую книгу не хочется и вѣроятно не нужно «критиковать». Читая ее, чувствуешь несогласіе во многомъ, не дергаясь ощущать однако ея силу, ея цѣльность и понимая, что она продумана до конца, такъ что любое утвержденіе по частному вопросу, которое находишь въ ней и съ которымъ не хочешь соглашаться, связано съ основной интуиціей міра, на которой вся она покоится. Своей же интуиціи этой врядъ ли можно сказать, что она невѣрна; можно ска-